

усиливают элементы языковой игры – насыщение текста пародии фразеологией уголовного жаргона – ФЕ *крестный отец* и ФЕ *ботать по фене*, которые противопоставляются книжной фразеологии (см.: «В свои права вошла весна» ср. с узуальной ФЕ *вступить в свои права*). Однако общий эмоциональный тон всей пародии задает фразеологизм «Все путем!», являющийся ее названием, сохранившим просторечное звучание, что в контексте всего произведения усиливает комический эффект.

Языковая рефлексия писателей-сатириков на изменения, происходящие в языке, отражает, в первую очередь, нравственную позицию русских писателей, которые видели в «слове» важнейшее средство сохранения и развития русской культуры, что выявляется в контексте всего их творчества.

Библиографический список

1. Антология Сатиры и Юмора России XX века. Т. 46 / Александр Иванов. М.: 2006.
2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: Роман. Новосибирск, 1994.
3. Кожевников А. Ю. Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино. М., 2007.
4. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М., 2003.
5. Никитина Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь. М., 2007.
6. Остряк-самоучка: Рассказы. М., 1999.
7. Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты). М., 2006.
8. Русский язык, литература и культура в современном обществе. Иваново, 2002.

А. Е. Якимов

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

О ПРАКТИКЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ В РЕЧИ НЕКОТОРЫХ ТОПОНИМОВ

Бурные политические события, происходившие в СССР – России с начала 90-х годов XX века, вызвали всплеск изменений в русском языке: в первую очередь это касается лексики и фразеологии, в меньшей степени – грамматики. Распад Советского Союза, превращение бывших Союзных Республик в самостоятельные государства, усиление сепаратистских тенденций в национальных республиках Российской Федерации повлекли за собой, как правило активно подхватываемые журналистами, изменения в написании, произношении многих топонимов, прежде всего названий стран, крупных городов и т. п. Приведём лишь некоторые примеры. Так, вместо нормативного *Белоруссия* очень часто пишут и говорят *Беларусь*, вместо *Башикирия* – *Башкортостан*, вместо *Молдавия* – *Молдова*, вместо *Киргизия* – *Кыргызстан*, вместо *Алма-ата* – *Алматы*; почти не употребляется ещё недавно привычное *Татария*: данный топоним сегодня функционирует только в форме *Татарстан*. И это лишь самые заметные факты! Особо следует отметить упорное желание многих пишущих и говорящих на РУССКОМ

(выделено мной. – А. Я.) языке, пусть даже это русский на территории Украины, заменить в управлении существительного *Украина* (Вин. п. и Тв. п.) предлог *на* предлогом *в*: вместо, например, *приехать на Украину – приехать в Украину*, вместо *жить на Украине – жить в Украине*. С подобной практикой никак нельзя согласиться.

Общеизвестно очень сильное влияние экстралингвистических факторов на лексику и фразеологию языка. Поэтому переименование, например, городов влечет за собой появление нового (или чаще возрождение старого) топонима. Например, был город *Фрунзе* – стал *Бишкек*, был город *Ордженикидзе* – стал *Владикавказ*, был город *Акмола* – стал *Астана* и т. д. Подобные изменения лежат вне «компетенции» языковой системы русского языка, не могут быть регламентированы языковой нормой и по этой причине не вызывают никаких возражений. Однако употребления *Беларусь*, *Башкортостан*, *Кыргызстан*, *Молдова*, *в Украину – в Украине*, *Алматы* и им подобные, с нашей точки зрения, недопустимы в русском литературном языке.

Автор словаря-справочника «Географические названия. Прилагательные, образованные от них. Названия жителей» Е. А. Левашов пишет: «На некоторых национальных территориях бывшего СССР с его разбросанностью русскоязычного населения географические названия в местных русских текстах иногда испытывают трансформирующее давление соответствующих языков» (1 : 5). В случае с вышеперечисленными употреблениями топонимических существительных мы имеем дело как раз с подобным давлением. Несомненно то, что лексемы *Беларусь*, *Башкортостан*, *Кыргызстан*, *Молдова*, *Алматы* выступают в фонетической огласовке и соответствующей ей графической форме, совпадающей с тем, как данные слова произносятся и пишутся (правда, иногда средствами латиницы) в белорусском, башкирском, киргизском, молдавском и казахском языках. Этой практике часто способствует довольно близкое звучание нормативного и измененного варианта топонима. Однако нам кажется, что даже подобная произносительная близость не должна оправдывать нарушения норм современного русского литературного языка. Это вредно. Искусственно созданная вариантность затрудняет процесс коммуникации, как устной, так и письменной, влечёт за собой, например, орфографические ошибки: нередко сегодня можно встретить неверное, «контаминированное» написание топонима (*Беларусь*, *Белоруссия – Беларусь*). Это тем более вредно, что почти всегда ненормативные топонимические варианты вводятся в русскую речевую практику под влиянием сиюминутной политической конъюнктуры, а это уже прямое, часто грубое, вторжение в русскую языковую картину мира и, как следствие, влияние на менталитет народа, на его духовную культуру. Факты ненормативного трансформирования топонимов избирательны: так, почему-то никому не приходит в голову переименовывать произношение и написание топонима *Германия (Дойчлянд)* или *Лейпциг (Ляйпцихь)* и т. п., а вот вместо привычного *Баширия* сегодня часто слышим – *Башкортостан*, и это несмотря на устойчивую словообразовательную корреляцию с существительным *башкиры* (не можем же мы теперь называть граждан башкирской национальности *башкорами*; и то, что с введением варианта *Башкортостан* появилась возможность однословно обозначить жителей автономии всех национально-

стей – *башкортостанцы* (1 : 63), отнюдь не оправдывает употребления этого неологизма-топонима). Использование же топонима *Кыргызстан* вообще вступает в противоречие с фонетическим строем современного русского языка. Как известно, сочетания *гы, кы, хы* запрещены в русском литературном языке. Они стали исчезать, начиная с XII–XIII вв. Это было следствием пополнения русского звукового состава палатальными заднеязычными согласными. Отсюда наличие таких соотносительных пар, как соврем. *гибель* – древнерус. *гыбель*, соврем. *кипеть* – древнерус. *кыпѣти*, соврем. *хитрость* – древнерус. *хытрость* (2 : 141). В современном литературном русском языке есть лишь несколько редко употребляемых или специальных (часто также оттопонимических или экзотических) слов с *гы* (*гы* (межд.), *гыкать* с производными); с *кы* (*кыш, кыр, кыяк* и пр.) (6). Слова с сочетанием *хы* в русском языке практически отсутствуют.

Предложно-падежные формы *в Украину, в Украине* вместо *на Украину, на Украине*, очевидно, также стали использоваться в русском языке с подачи некоторых политиков и журналистов. Налицо попытка насильственно подогнать данную конструкцию под более частотную модель (ср. *в Россию, в Германию, в Белоруссию* и т. п.), заменить традиционно используемый с данным топонимом предлог *на* на предлог *в*, хотя лингвистических оснований для такой замены, на наш взгляд, нет. Действительно, немногие топонимы (особенно наименования государств) употребляются в русском языке с предлогом *на*, однако таковые имеются: например, *на Кубу, на Гаити, на Камчатку, на Чукотку, на Кавказ* и др. Так сложилось исторически, такова языковая практика, такова грамматическая норма русского языка. Так, в справочнике Д. Э. Розенталя «Пунктуация и управление в русском языке», в статье, регламентирующей употребление предлога *на* с Вин п., к значению «при обозначении предмета, явления, к которому направлено движение» приведены иллюстрации: *Уехать на Украину. Отправиться на Волгу. Вскоре перевели меня на Кавказ... (Лермонтов)* (3 : 502). У Е. А. Левашова находим в словарной статье «Украина» однозначную рекомендацию по употреблению этого топонима с предлогом *на* (1 : 527). Более того, даже классик украинской литературы Т. Г. Шевченко в написанном на украинском языке знаменитом стихотворении «Заповіт» употребляет существительное *Украина* с предлогом *на*:

*Як умру, то поховайте
МЕНЕ НА МОГИЛІ,
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій,
Щоб лани широкополі,
І Дніпро, и кручі
Було видно, було чути,
Як реве ревучий.* (4 : 5)

Таким образом, даже украиноязычная речевая практика не дает оснований к изменению нормативного предложного управления при слове *Украина*. Вероятно, в русском языке традицию использования данного имени собственного с предлогом *на* поддерживает его генетическая связь с нарицательным существительным *украина* в значении «область на краю государства, окраина» (*Степная Украина Московского государства начиналась за Рязанью.*), зафиксированным,

например, с пометой «старинное» в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (5). Действительно, Украина (или в период Российской Империи – Малороссия) часто осмыслялась как окраина «большой» России (Великороссии). Как правило, при нарицательном существительном *украина* (= *окраина*) употребляется в русском языке предлог *на*. Кроме того, автор, непосредственно общаясь с носителями украинского языка, часто отмечал использование со словом *Украина* именно предлога *на*, а не *в*. Всё вышеизложенное указывает на искусственный характер употребления здесь предлога *в*.

Забота о родном языке, неотъемлемой, может быть, самой важной составляющей национальной духовной культуры, – абсолютно необходимая вещь. Превеличивать «самоочистительные» способности даже такого богатого и сильного языка, как русский, нельзя. Здесь очень нужна разумная и последовательная государственная политика, усилия всех тех, кто работает со словом, для кого русский язык – профессиональный инструмент. Это политики, журналисты, писатели, учителя, ученые-лингвисты и многие другие. Ошибки в этой области, часто обусловленные сомнительной политической или какой-либо другой выгодой, чреватые печальными последствиями, в том числе и для национального самосознания.

Библиографический список

1. Левашов Е. А. Географические названия. Прилагательные, образованные от них. Названия жителей. СПб., 1999.
2. Павлович А. И. Историческая грамматика русского языка: в 2 ч. Ч. 1. М., 1977.
3. Розенталь Д. Э. Пунктуация и управление в русском языке. М., 1988.
4. Шевченко Т. Г. Избранное (Стихотворения и поэмы). М., 1977.
5. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1949.
6. Русский орфографический словарь / под ред. В. В. Лопатина. 2-е изд. М. 2005.

Е. Е. Кидярова

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНФИГУРАЦИИ, ОБЪЕДИНЕННЫЕ ТЕМОЙ «ПОЭТ И ПОЭЗИЯ», В ЛИРИКЕ И. БРОДСКОГО

Фразеологическая конфигурация (ФК) представляет собой структурно-семантическое и стилистическое единство, образуемое фразеологической единицей (ФЕ) и фразеологическим контекстом – её вербальным окружением, достаточным для идентификации ФЕ в тексте и реализации её функционального назначения. Часть фразеологического контекста (или фразеологический контекст в целом), необходимая для реализации конкретного смыслового содержания ФЕ, непосредственно мотивирующая её употребление, является фразеологическим актуализатором. ФК в поэзии образуются отдельными строфами, рядами строф, текстами поэтических произведений (5 : 6–15).